

Джань-мама, выслушав это, хоть и не одобряла желания своей госпожи оставаться незамужней, была рада, что та во всём советуется с ней, своей старой няней. Она с улыбкой похлопала Цуй-цуй по лбу и сказала:

— Ладно, давай сначала о насущном. Иди скорее, разбуди госпожу к завтраку.

— Слушаюсь... — отозвалась Цуй-цуй и вышла из маленькой кухни, а Джань-мама принялась хлопотать по хозяйству.

Цуй-цуй вошла в спальню и осторожно приподняла полог кровати. Увидев, что госпожа ещё сладко спит, она тихо позвала:

— Госпожа...

Не дождавшись ответа от Шэнь Яогуан, она была вынуждена подойти ближе и слегка потрясти её за плечо:

— Госпожа... Госпожа, просыпайтесь... Снег пошёл.

Шэнь Яогуан, пребывавшая в полудрёме, услышав слово «снег», тут же открыла глаза и радостно воскликнула:

— Снег?

Увидев, что Цуй-цуй кивает, она, не теряя ни секунды, сбросила одеяло и, даже не обувшись, поспешила к окну. Она распахнула его, и в комнату ворвался холодный ветер, принес с собой свежесть снега. Девушка невольно вздрогнула от холода, пробормотала: «Ужасно холодно!» — и поспешно захлопнула окно.

Цуй-цуй, с трудом сдерживая смех и вздыхая, подошла к окну с её туфлями:

— Госпожа, обуйтесь скорее, не хватало ещё простудиться.

Шэнь Яогуан послушно надела обувь. После такого бодрящего начала «соня» Шэнь Яогуан очень быстро умылась, оделась и причесалась. Выйдя во двор, она увидела, что всё вокруг укрыто снежным покрывалом, превратившим мир в ослепительно белый пейзаж. Она протянула руку, ловя падающие снежинки, но в мыслях у неё был образ Шэнь Яоюй. С воодушевлением она предложила:

— Цуй-цуй, давай сходим навестим старшую сестру.

Цуй-цуй, стоя за её спиной, нахмурилась:

— Госпожа... боюсь, старшая госпожа... не захочет нас видеть.

Шэнь Яогуан, глядя на кружащиеся в воздухе снежинки, лукаво сощурила свои миндалевидные глаза:

— А мы попробуем.

В этот момент из западного флигеля донёсся громкий голос Джань-мамы:

— Госпожа, пора завтракать!

В усадьбе Цинъи Шэнь Яоюй, облачённая в тонкий простой халат, танцевала в снегу с длинным мечом в руках. Её движения были чёткими и стремительными, клинок рассекал воздух со звоном, а поднятый им холодный ветер кружился в такт падающим снежинкам. В отблесках меча её холодный, почти неземной облик сливался с заснеженным миром — это было зрелище одновременно захватывающее и пугающее своей ледяной отстранённостью.

Когда она наконец убрала меч, Ханьсин осмелилась подойти ближе:

— Хозяйка, вчера император принимал главу рода Шэнь, содержание беседы неизвестно.

Шэнь Яоюй небрежно бросила меч Ханьсин и, повернувшись, направилась к креслу-качалке под галереей. Она опустилась в него и запрокинула голову, глядя в небо. В её глазах не было ни тени волнения, словно слова Ханьсин её вовсе не касались.

Ханьсин уже собиралась откланяться, как вдруг раздался стук в дверь. Опасливо взглянув на отрешённую хозяйку, она выпрямилась и направилась к воротам. Стоило ей открыть их, как она услышала мягкий, нежный голос:

— Сестрица Мо Ин, доброе утро!

Увидев, что открыла не Мо Ин, Шэнь Яогуан удивлённо воскликнула:

— Ой, а я думала, это сестрица Мо Ин. А вы кто, сестрица?

Ханьсин, вспомнив о печальной участи Мо Ин, напряглась и холодно произнесла:

— Что нужно третьей госпоже?

Шэнь Яогуан лучезарно улыбнулась:

— Я пришла навестить старшую сестру!

— Госпожа отдыхает и не принимает гостей. Третьей госпоже лучше вернуться.

Шэнь Яогуан с невинным видом посмотрела на Ханьсин и капризно протянула:

— Ну вот... почему у вас всегда один и тот же ответ? Старшая сестра заболела? Вы приглашали лекаря из поместья?

Ханьсин, видя, что та сыплет вопросами без умолку, отрезала:

— Прошу, возвращайтесь. Госпожа не принимает гостей — значит, не принимает.

— Тогда... вчера, когда я коснулась рук сестрицы Мо Ин, заметила, что её ладони грубоваты, и принесла ей мазь для нежности кожи. Можешь передать её?

Ханьсин, обрадовавшись, что та больше не настаивает на встрече с хозяйкой, лишь бы она поскорее ушла, ответила:

— Хорошо.

Шэнь Яогуан, увидев, что та согласилась, радостно подмигнула Цуй-цуй и весело скомандовала:

— Цуй-цуй, доставай скорее мазь, отдай этой сестрице.

— Слушаюсь! — Цуй-цуй вытащила из корзинки фарфоровую баночку и, поспешив передать её Ханьсин, по неосторожности споткнулась и налетела на неё.

Шэнь Яогуан, улучив момент, проскользнула мимо Ханьсин и вбежала во двор. Повсюду раздавался её смех, похожий на звон серебряных колокольчиков, но, увидев холодный силуэт в кресле-качалке под навесом, она тут же умолкла. Она непроизвольно сделала шаг вперёд, желая рассмотреть сестру получше, но Ханьсин схватила её за руку:

— Третья госпожа, уходите.

Шэнь Яогуан попыталась вырваться, но силы Ханьсин оказались больше. Она замерла, не сводя глаз с Шэнь Яоюй. И когда Ханьсин уже собиралась силой выпроводить её со двора, раздался приказ Шэнь Яоюй:

— Пусть подойдёт.

Шэнь Яогуан, услышав это, просияла и, вырвавшись из рук Ханьсин, подбежала к сестре. Подойдя совсем близко и встретившись с её спокойным, бездонным взглядом, она на мгновение оробела и застыла. Шэнь Яоюй продолжала лежать в кресле, безмолвно наблюдая за ней.

Вдруг тихий шорох снега, сползающего с крыши, вернул Шэнь Яогуан к реальности. Она сделала шаг вперёд, сняла со своих плеч накидку и укрыла ею Шэнь Яоюй:

— Старшая сестра, на улице слишком холодно, не простудитесь.

Белоснежные, тонкие пальцы Шэнь Яоюй коснулись меха снежного кролика на краю накидки. Впервые за долгое время она ощутила тепло. Её глаза, подобные гладкому стеклу, с любопытством изучали Шэнь Яогуан.

Шэнь Яогуан, впервые оказавшись под таким пристальным взглядом сестры, похожей на небожительницу, да ещё заметив, как её изящные пальцы перебирают мех, невольно покраснела.

— Что ты принесла? — раздался голос, подобный журчанию горного ручья.

Шэнь Яогуан проследила за её взглядом и увидела корзинку в руках Цуй-цуй. Она сглотнула и дрожащим голосом ответила:

— Это молочный чай, я сама приготовила. Хотела, чтобы старшая сестра попробовала.

Цуй-цуй поспешно открыла корзинку, достала термос и открутила крышку. Шэнь Яогуан приняла дымящийся сосуд из рук служанки, налила ароматный напиток в фарфоровую чашку, стоявшую на столике рядом с креслом, и протянула его сестре.

Ханьсин в испуге воскликнула:

— Хозяйка, нельзя! Вашему телу запрещено принимать что-либо, кроме воды.

Шэнь Яоюй лишь бросила на неё холодный взгляд, не обращая внимания. Она взяла чашку и, пригубив немного через вуаль, слегка нахмурилась:

— Что за вкус?

Шэнь Яогуан, заметив её недовольство, встревожилась:

— Слишком сладко? — она почесала затылок, пробормотав себе под нос: — Я пробовала по пути, вроде было нормально...

Шэнь Яоюй не ответила, лишь приказала Ханьсин:

— Ханьсин, налей мне ещё чашку.

— Слушаюсь. — Ханьсин забрала термос из рук Шэнь Яогуан, налила новую чашку и подала Шэнь Яоюй.

Та сделала глоток. Ни тепла, ни вкуса.

Значит, то тепло и вкус, что я ощутила мгновение назад, были лишь из-за того, что чашку держала она?

Шэнь Яюй посмотрела на фарфоровую чашку, и в её глазах на миг мелькнула жестокость. Она медленно опустила чашку, поднялась с кресла и направилась в дом. Её простой халат развеялся на ветру, а следом за ней до всех донёсся ледяной, как родниковая вода, голос:

— Ханьсин, проводи гостью. Чтобы это было в последний раз.

<http://bllate.org/book/21409/2184852>